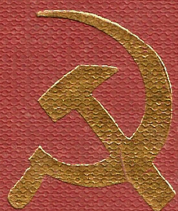

РОССИЯ
И
ПЕРВАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ»
UNIVERSITY OF MICHIGAN (USA)
RUTGERS UNIVERSITY (USA)

РОССИЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

(МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНОГО КОЛЛОКВИУМА)

ДБ

С-ПЕТЕРБУРГ

1999

Настоящее издание представляет материалы международного научного colloquium «Россия в Первой мировой войне», состоявшегося в Санкт-Петербурге 1—5 июня 1998 г. В публикуемых докладах и дискуссии участвовали ведущие историки США, Великобритании, ФРГ, Франции, Финляндии, России, обсудившие политические, экономические, национальные, социокультурные аспекты российской истории эпохи Первой мировой войны (1914—1918 гг.). В центре внимания исследователей — острейшие проблемы воздействия войны на российское общество, генезис имперской политики и национальных движений, взаимоотношения власти и общества.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся отечественной историей.

This volume records the proceedings of an international colloquium «Russia and First World War», held in St.-Petersburg in June 1998. Historians from Russia, USA, United Kingdom, France, Germany and Finland contributed papers and took part in discussions of various political, economic, national, social and culture aspects of Russian history in 1914—1918.

The center of attention was the complex of problems: impact of the war on the Russian society, genesis of Imperial politics and national movements, interaction between power and society.

This volume should be of interest to all those concerned with the political, social, and cultural history of modern Russia.

Редакционная коллегия

Н. Н. Смирнов (Россия) — отв. редактор, *З. Галили* (США), *Р. Зелник* (США),
Б. И. Колоницкий (Россия), *С. И. Потолов* (Россия), *У. Розенберг* (США),
В. Ю. Черняев (Россия)

Editorial board

N. N. Smirnov (Russia) — chief editor, *Z. Galili* (USA), *R. Zelnik* (USA),
B. I. Kolonitsky (Russia), *S. I. Potolov* (Russia), *W. Rosenberg* (USA),
V. Ju. Cherniaev (Russia)

А. В. Островский

**ГОСУДАРСТВЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ
И КООПЕРАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: 1914—1917 гг.**

Первая мировая война привела к возникновению и обострению в России продовольственного кризиса, который повлек за собою расширение государственного вмешательства как в сферу распределения, так и в сферу производства сельскохозяйственных продуктов. Данная проблема уже давно стала объектом внимания исследователей,¹ однако и степень остроты продовольственного кризиса, и масштабы связанного с ним государственного вмешательства в экономику явно недооцениваются.

Одна из причин этого связана с недостаточной изученностью вопроса о механизме складывания и развития продовольственного кризиса. Широко распространено мнение, согласно которому вплоть до 1917 г. Россия располагала значительными продовольственными резервами. «Согласно расчетам Канцелярии главного управляющего по закупкам хлеба для армии... — пишет, например, Т. М. Китанина, — возможный избыток хлеба за четыре военных года исчислялся в объеме 1362,1 млн. пуд.», «таким образом, наличие хлеба в стране не вызвало никакого сомнения».² В действительности все обстояло не совсем так.

Согласно официальной статистике, в 1909—1913 гг. среднегодовой сбор зерна находился на уровне 4870 млн. пуд., в 1914 г. было собрано 4670 млн. пуд., в 1915 г. — 4810 млн., в 1916 г. — 3970 млн., в 1917 г. — 3800 млн. Эти данные показывают, что в 1914—1915 гг. зерновое производство находилось примерно на довоенном уровне, в 1916 г. сборы сократились на 18%, а в 1917 г. на 22%.³ Правда, одновременно с этим произошло и сокращение хлебного экспорта. Накануне войны Россия вывозила около 650 млн. пуд., в 1914 г. экспорт составил 380 млн., в 1915 г. менее 40 млн. пуд. В 1916—1917 гг. он хотя и увеличился по сравнению с 1915 г., но незначительно.⁴

Если с учетом этого определить общий зерновой баланс (сбор минус экспорт), то в 1909—1913 гг. он достигал 4220 млн. пуд., в 1914 г. 4290 млн., в 1915 г. 4770 млн., в 1916 г. менее 3970 млн. и в 1917 г. менее 3800 млн. Приведенные цифры свидетельствуют, что в 1914—1915 гг. зерновые ресурсы, остававшиеся внутри страны в связи с сокращением экспорта по сравнению с довоенными годами несколько увеличились (1914 г. на 2%, 1915 г. — на 13%), а в 1916—1917 гг. несколько сократились (1916 на 6%, 1917 г. примерно на 10%).

На первый взгляд действительно в 1914—1917 гг. по сравнению с довоенным периодом в обеспечении страны зерном не произошло существенных изменений. Однако для вывода о существовании в стране хлебных излишков приведенных данных недостаточно. Для этого необходимо знать, сколько же именно хлеба необходимо было населению для удовлетворения его потребностей. Ответ на этот вопрос непосредственно связан с другим вопросом — вопросом о продовольственных нормах.

Этот вопрос возник задолго до революции и наиболее обстоятельное решение получил в работах Л. Мареса, который на основании анализа рациона крестьянского питания, питательности и калорийности отдельных продуктов считал, что для продовольственного обеспечения необходимо было около 18 пудов хлеба на человека.⁵ Если исходя из этой нормы обратиться к статистике зернового производства, мы получим следующую картину.

В 1901—1910 гг. на территории 50 губерний Европейской России на душу населения собирали 24,2 пуда зерна за вычетом семян. Следовательно, накануне войны зерновое производство вполне могло обеспечить продовольственные потребности населения. Однако если сделать поправку на экспорт, чистый остаток зерна сократится до 18 пуд. Сюда входило как продовольственное, так и фуражное зерно. Достаточно из приведенного показателя исключить овес, как он опустится до 16 пуд.⁶ Из этого вытекает по крайней мере два очень важных вывода. Во-первых, вплоть до начала XX в. российский хлебный экспорт осуществлялся по принципу «не доедим, но вывезем». А во-вторых, поскольку в 1916—1917 гг. объем зерновых ресурсов внутри страны был несколько ниже довоенного уровня, никаких излишков хлеба в России не было и не могло быть. Более того, если до войны крестьянин компенсировал нехватку хлеба расширением посева картофеля, сборы которого достигали 2180 млн. пуд., что было эквивалентно 435 млн. пудов зерна, то к 1917 г. сбор картофеля сократился более чем на 40%.⁷

Однако общие и средние показатели не дают представления о том, как именно обстояло дело на местах. Обработанные с этой целью материалы по 50 губерниям Европейской России свидетельствуют, что в 1911—1915 гг. 32 губернии не могли обеспечить потребление продовольственного зерна в пределах 18 пудов. Причем шесть из них нуждались в товарном зерне в течение одного-двух месяцев в году: Ковенская губерния имела дефицит продовольственного зерна в пределах 3%, Пензенская — 7%, Курляндская — 8%, Вятская — 9%. Казанская — 9% и Волынская — 11%. Семнадцать губерний (Нижегородская — 26%. Тульская — 26%. Псковская — 29%, Черниговская — 29%, Орловская — 30%, Рязанская — 32%, Гродненская — 34%, Виленская — 36%, Смоленская — 36%, Минская — 37%, Эстляндская — 37%, Лифляндская — 38%, Могилевская — 38%, Витебская — 44%, Костромская — 44%, Астраханская — 49%, Вологодская — 50%) могли обеспечить себя продовольственным зерном на шесть-восемь месяцев в году, шесть губерний (Владимирская — 54%, Калужская — 54%, Тверская — 56%, Новгородская — 57%, Ярославская — 57%, Олонецкая — 66%) обеспечивали свои потребности четыре-шесть месяцев, а три губернии (Архангельская — 77%, Московская — 85% и Петербургская — 88%) только в течение одного-четырех месяцев.⁸

Снабжение этих 32 губерний целиком и полностью зависело от остальных 18 губерний, имевших излишки продовольственного зерна. Общий объем этих излишков составлял 647,2 млн. пуд.: Область войска Донского — 92,7 млн. пуд.,

Херсонская губерния — 82,1 млн. пуд., Бессарабская — 78,1 млн., Екатеринославская — 69,2 млн., Самарская — 66,1 млн., Таврическая — 6, 0 млн., Полтавская — 35,8 млн., Харьковская — 33,3 млн., Подольская — 25,6 млн., Воронежская — 23,7 млн., Саратовская — 18,0 млн., Киевская — 15,3 млн., Тамбовская — 13,5 млн., Оренбургская — 9,1 млн., Курская — 8,3 млн., Уфимская — 7,1 млн., Симбирская — 3,6 млн. и Пермская — 0,3 млн.⁹ Нетрудно заметить, что более двух третей излишков продовольственного зерна было сосредоточено всего в шести губерниях.

Приведенные данные показывают, что в 1911—1915 гг. две трети губерний Европейской России не могли обеспечить свои продовольственные потребности за счет собственного производства и зависели от привозного хлеба. Особенно остро эта проблема стояла в промышленных губерниях, среди которых лидировали Московская и Петроградская. Снабжение этих губерний продовольствием целиком и полностью зависело от двух факторов: мобилизации излишков в хлебопроизводящих губерниях и их своевременной транспортировки, т. е. от функционирования внутреннего рынка.

В литературе уже обращено внимание на то, что война повлекла за собою разрушение прежнего механизма товарообмена внутри страны. Одни авторы главную причину этого видят в спекулятивной игре помещиков, сельской буржуазии и хлеботорговцев на повышение цен, другие в ослаблении прежних стимулов реализации сельскохозяйственной продукции.

Не отрицая ни первого, ни второго, есть основания думать, что главную роль играл все-таки второй фактор. Дело в том, что война повела к сокращению производства товаров широкого потребления. Достаточно сказать, что даже такая сугубо «гражданская» отрасль промышленности, как текстильная, в годы войны на 80% ориентировалась на снабжение армии.¹⁰ Известно также, что введение сухого закона повело к исчезновению алкогольных напитков промышленного производства стоимостью не менее 1 млрд. руб., что было эквивалентно стоимости не менее 0,5 млрд. пуд. хлеба.¹¹ В этих условиях цены на промышленные товары росли гораздо быстрее цен на сельскохозяйственные продукты, что делало и без того неэквивалентный обмен между городом и деревней еще менее выгодным для деревни.

И по мере того, как ослаблялось действие экономических факторов товарообмена между городом и деревней, по мере того, как происходило сокращение товарной массы сельскохозяйственных продуктов, возрастала необходимость использования внеэкономических средств изъятия этих продуктов для обеспечения городов и промышленных губерний.

Первая мировая война началась 19 июля/1 августа 1914 г., а уже через две недели 1/14 августа Совет министров принял решение возложить заготовку хлеба для армии на Главное управление землеустройства и земледелия.¹² Вслед за этим по заказу Главного интендантского управления Военного министерства был составлен первый план заготовки хлеба на период до 1 августа 1915 г. За это время предполагалось заготовить 231,5 млн. пуд. хлеба: муки, крупы, ржи, ячменя и овса.¹³ Поскольку в связи с резким сокращением экспорта остававшиеся внутри страны хлебные ресурсы несколько увеличились, первоначально план заготовительной кампании осуществлялся вполне успешно. И только «в начале 1915 г. условия заготовки резко изменились к худшему: хлебные цены стали повсемест-

но необычайно возрастать, повышаясь сначала резкими скачками, превысив в январе 1915 г. даже цены неурожайного 1911 г.».¹⁴

В связи с этим 17 февраля 1915 г. командующим военными округами было дано право вводить предельные, т. е. твердые закупочные цены, а «в случае отказа владельцев от продажи по этим ценам реализовать нужные продукты по особо установленным пониженным ценам. Вместе с тем командующим округами предоставлялось право запрещать вывоз хлеба из пределов той или иной местности». Этим самым был сделан первый важный шаг на пути установления государственного контроля над хлебным рынком.¹⁵ Если же учесть, что две трети излишков хлеба были сконцентрированы буквально в пяти-шести губерниях, то судьба всего снабжения страны и армии хлебом была отдана в руки нескольких командующих военными округами.

Осознание пагубности указа 17 февраля 1915 г. и необходимости выработки единой продовольственной политики привело к учреждению 19 мая 1915 г. под председательством министра торговли и промышленности специального учреждения, получившего название Главного продовольственного комитета.¹⁶ 17 августа 1915 г. он был преобразован в Особое совещание по продовольственному делу, председательствование в котором было возложено на министра земледелия.¹⁷

Первая заготовительная кампания прошла успешно: вместо планировавшихся 231,5 млн. пуд. правительству удалось заготовить более 260 млн. пуд. хлеба.¹⁸ Получив заказ Главного интендантства от 22 июня 1915 г., правительство определило объем заготовки хлеба на 1915—1916 гг. в пределах 239,6 млн. пуд. Однако уже 3 января 1916 г. Главное интендантство запросило об увеличении закупки хлеба на 128,7 млн. пуд., т. е. до 368,3 млн. пуд.,¹⁹ что означало увеличение объема заготовки почти в полтора раза по сравнению с 1914—1915 гг. Вместе с тем именно зимой 1915—1916 гг. стало обнаруживаться, что рынок не способен обеспечивать города хлебом в нужном объеме и по доступным ценам, особенно это касалось Москвы и Петрограда. И правительство вынуждено было встать на путь заготовки хлеба не только для армии и флота, но и для населения наиболее важных промышленных городов, в результате чего объем заготовки хлеба был увеличен до 500 млн. пуд.²⁰

В результате этого объем закупки хлеба в 1915—1916 гг. увеличился почти в два с половиной раза по сравнению с 1914—1915 гг., что повело к значительному увеличению расходов государства на эту операцию: с 250 млн. руб. почти до одного миллиарда рублей.²¹ А поскольку дефицит государственного бюджета продолжал нарастать, это стимулировало стремление правительства к ограничению роста хлебных цен. Расширение государственных закупок хлеба происходило на фоне сокращения товарной массы хлеба, в результате чего, закупив в 1915—1916 гг. около 50% всего поступившего на рынок зерна, правительство превратилось в главного потребителя товарного хлеба. Данное обстоятельство открыло для правительства возможность взять на себя регулирование хлебных цен.

Вопрос о полном подчинении хлебного рынка контролю правительства возник еще осенью 1915 г. 21 ноября представитель Экономического совета Главного управления Союза городов В. Г. Громан на заседании Комиссии по борьбе с дороговизной поставил вопрос о введении централизованной разрешительной системы перевозок хлеба на всей территории страны, установлении твердых оптовых и розничных цен, нормировании потребления продуктов и установления

полного контроля над их распределением между торговцами и потребителями. Однако на этом заседании В. Г. Громан получил поддержку только со стороны представителя Земского союза П. Б. Струве. 25 ноября Комиссия вновь вернулась к рассмотрению предложений В. Г. Громана, на этот раз его поддержал еще один представитель Земского союза М. Д. Резвой и член Государственного совета С. Е. Бразоль, но большинство членов Комиссии (а в него входили товарищ министра земледелия князь Г. Б. Гагарин, член Государственного совета Н. Н. Покровский, В. Н. Охотников, А. Д. Оболенский, Д. Д. Левшин, депутат Государственной думы Г. Н. Беляев, представитель Министерства внутренних дел барон А. А. Остен-Сакен, представитель Министерства торговли и промышленности С. В. Бородаевский, представитель Государственного контроля С. А. Годзяцкий, представитель Главного интендантства М. В. Акимов) предложенную программу регулирования хлебного рынка не поддержали. Было лишь решено вернуться 14 февраля к рассмотрению вопроса о введении единых твердых заготовительных цен.²²

Между тем 3 февраля управляющий делами Особого совещания по продовольствию П. П. Румянцев представил в Особое совещание специальный доклад на эту тему. Его предложения, во многом перекликавшиеся с предложениями В. Г. Громана, сводились к следующему: ввести разрешительную систему перевозки хлеба, связать предоставление права транспортировки хлеба с уровнем цен и на основании закона 27 ноября 1915 г. сосредоточить всю политику таксирования хлебных цен в Особом совещании по продовольствию.²³ Эти предложения были переданы в Комиссию по борьбе с дороговизной, которая 8 февраля 1916 г. одобрила идею разрешительной системы транспортировки хлебных грузов, и 12 февраля министром земледелия было утверждено специальное постановление на этот счет под названием «О порядке выработки и издания такс на предметы продовольствия».²⁴ Согласно этому постановлению, все принимаемые на этот счет решения на местах должны были в обязательном порядке утверждаться председателем Особого совещания по продовольствию.

Новый шаг в этом направлении был сделан уже летом—осенью 1916 г. За 1916 г. перевозки зерна сократились до 795 млн. пуд.²⁵ Между тем при разработке плана заготовительной компании на 1916—1917 гг. с самого начала фигурировали цифры от 600 до 1000 млн. пуд. Это означало, что в 1916—1917 гг. правительственные заготовки не только должны были полностью исчерпать ту товарную массу хлеба, которая поступала на рынок, но и столкнуться с недостатком товарного хлеба. В этих условиях 21 июля 1916 г. прежний министр земледелия А. Н. Наумов был отправлен в отставку и его преемником назначен граф А. А. Бобринский, бывший одним из руководителей организации «объединенного дворянства» и известный своими консервативными взглядами. Уже 25 августа им был созван съезд уполномоченных Особого совещания по продовольствию и на их рассмотрение вынесен вопрос о введении единых твердых цен на хлеб. На этот раз данное предложение было поддержано, и 9 сентября появилось специальное правительственное постановление, которое вводило на всей территории империи твердые цены на хлеб и передавало контроль за ними на местах уполномоченным Особого совещания по продовольствию.²⁶

Однако принятое постановление лишь способствовало дальнейшему сокращению товарной массы хлеба. Поэтому одновременно с вопросом о введении твердых цен на хлеб возник и вопрос о том, как быть, если эти меры не приведут

к желаемым результатам? Данный вопрос был специально рассмотрен 7 октября. Было решено дополнить постановление о твердых ценах постановлением о хлебной разверстке. Правительство должно было определить объем необходимого для закупки хлеба, а затем разверстать это количество между отдельными губерниями.²⁷ 10 октября проект хлебной разверстки поступил в Особое совещание по продовольствию, однако рассмотрение его растянулось более, чем на месяц.²⁸

Между тем 14 ноября А. А. Бобринский тоже ушел в отставку. Его приемником стал А. А. Риттих.²⁹ 27 ноября А. А. Риттих внес в Особое совещание свой проект «военно-продовольственной политики», который во многом повторял проект А. А. Бобринского.³⁰ Предложение нового министра земледелия было поддержано Особым совещанием по продовольствию, 29 ноября оно было подписано самим министром и 2 декабря обнародовано под названием «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной».³¹ Речь шла о разверстке на 1916—1917 гг. 772 млн. пуд. До 8 декабря следовало распределить плановые задания по губерниям, до 14 декабря по уездам, до 20 декабря по волостям и до 31 декабря по дворам. А с 1 января по 1 июля 1917 г. планировалось осуществить заготовку хлеба.³²

Обычно, когда рассматривается продовольственный кризис, внимание акцентируется только или же главным образом на заготовке хлеба. Между тем снабжение армии, а затем и городского населения требовало обеспечения не только хлебом, но и продуктами животноводства. Причем пореформенное животноводство находилось в состоянии кризиса и обеспеченность населения продуктами животного происхождения находилось на очень низком уровне. Война повела к сокращению поголовья скота и обострению проблемы снабжения армии мясом. Если до войны норма потребления мяса в армии составляла 400 г. в день при 182 мясопустных днях, т. е. равнялось 4,6 пуда в год, то 16 января 1916 г. распоряжением начальника Штаба верховного главнокомандующего на фронте эта норма была сокращена до 300 г., а в тылу — до 200 г.³³ 7 апреля 1916 г. 200-граммовая норма была распространена на всю армию, причем было разрешено засчитывать в счет мяса рыбу, а также мясные отходы.³⁴

Однако и эти меры не могли обеспечить бесперебойного снабжения армии. Поэтому 21 января 1916 г. на заседании Комиссии по борьбе с дороговизной был рассмотрен вопрос о сокращении потребления мяса населением. С этой целью было решено «ввести разрешительную систему убоя скота и его подвоза», запретив «убой скота в определенные дни». 16 июля 1916 г. подобное постановление было принято. В понедельник, вторник, среду и четверг было запрещено производить убой скота, а во вторник, среду, четверг и пятницу продажу мяса и мясных продуктов, а также мясных блюд в общественных буфетах, столовых и ресторанах. В случае нарушения этого правила устанавливался штраф до 300 руб. или же арест до 3 месяцев, а в случае повторного нарушения арест от 3 месяцев до года. Чуть раньше,³⁶ 19 мая 1916 г. были введены и твердые цены на скот и мясо.³⁷

Таким образом, контроль над рынком мясных продуктов был установлен почти на полгода раньше, чем над хлебным рынком, а постановлением 16 июля устанавливался определенный контроль и над животноводческим производством. Принятые меры однако не позволили правительству полностью обеспечить заготовку мяса и скота для армии. Поэтому оно вынуждено было распространить

опыт хлебной разверстки и на животноводство. 16 января 1917 г. Особое совещание по продовольствию под председательством Н. В. Грудистова рассмотрело доклад Отдела заготовок Министерства земледелия о заготовке скота и мяса и о новых ценах на них.³⁸ Совещание постановило установить объем заготовки скота и мяса, а затем разверстать его по губерниям, уездам, волостям и отдельным хозяйствам.³⁹ Это означало, что разверстка была признана в качестве главного средства распределения и перераспределения сельскохозяйственных продуктов внутри государства.

Однако уже в 1915—1916 гг. стало очевидно, что ограничиться простой заготовкой сельскохозяйственных продуктов нельзя. Возникновение разрыва между спросом и предложением делало неизбежным введение нормированного распределения закупленных продуктов, в результате чего возникает и получает распространение карточная система. «Медленно, но с постепенной практической необходимостью, — констатировал осенью 1916 г. Я. Букшпан, — вводится в различных городах карточная система».⁴⁰ По некоторым данным, в 1916 г. она существовала уже в 40 губерниях.⁴¹

Осенью этого года товарищем министра земледелия был назначен А. И. Неверов, являвшийся сторонником централизованного введения карточной системы распределения продуктов по всей стране. 10 октября данный вопрос был специально рассмотрен на заседании Особого совещания по продовольствию, в результате чего было решено сделать в этом отношении первый шаг и перейти к централизованному распределению по карточкам трех продуктов: муки, мяса и сахара.⁴²

Мобилизация в руках государства все более и более возрастающего количества продовольственных продуктов должна была повести к расширению государственного вмешательства в функционирование транспортной системы. Причем если контроль государства над частными железными дорогами и речным судоходством был установлен уже в самом начале войны, то с местным, гужевым транспортом дело обстояло совершенно иначе. В связи с этим 3 февраля 1916 г. правительство вынуждено было установить контроль и над доставкой грузов к железнодорожным станциям, речным пристаням и морским портам. С этой целью на всей территории страны была введена гужевая повинность. Все владельцы рабочего скота и транспортных средств в обязательном порядке были обязаны содействовать перевозке заготавливаемых правительством продуктов к железным дорогам и речным путям. С одной стороны, государство гарантировало оплату этих работ, а с другой стороны, под страхом наказания воспрещало уклонение от их исполнения.⁴³ А поскольку выполнение гужевой повинности было связано не только с мобилизацией рабочего скота и транспортных средств, но и с мобилизацией рабочей силы, можно утверждать, что введение гужевой повинности представляло собою первый шаг на пути введения трудовой повинности.

Расширение закупок продовольственных продуктов ставило перед правительством и другую проблему — проблему их складирования. До войны ее решение почти полностью находилось в руках частного капитала. Необходимых средств для строительства новых казенных складов, в том числе элеваторов, у правительства не было. Поэтому перед ним открывались две перспективы: или арендовать по твердым ценам уже имевшиеся частные склады, или же на время войны осуществить их реквизицию. Как именно решалась данная проблема, сказать пока затруднительно, поскольку она не была предметом специального исследования.

Однако на основании отдельных сведений, появлявшихся в печати, можно утверждать, что правительство использовало и аренду, и реквизиции. И стоящая перед нами задача заключается лишь в выяснении, какое из этих средств преобладало.

Одна из особенностей пореформенной российской деревни заключалась в наличии значительного аграрного перенаселения, которое на рубеже XIX—XX вв. достигало 25—33% сельскохозяйственного населения и в начале XX в. продолжало увеличиваться.⁴⁴ Первая мировая война повела к массовой мобилизации взрослого мужского населения (в армию было призвано 18 млн. человек),⁴⁵ в результате чего не только произошло рассасывание аграрного перенаселения, но и возник дефицит рабочей силы. Причем если в 1914 г. его еще не существовало, если в 1915 г. появились только самые первые его признаки, то в 1916 г. дефицит рабочей силы в деревне был уже общепризнанным явлением. Для его покрытия стали использовать труд военнопленных. Одновременно появляются ученические и студенческие отряды.⁴⁶ В 1916 г. некоторые губернаторы и земства начинают прибегать к принудительному использованию крестьян для обработки и уборки как помещичьих, так и крестьянских полей. В результате этого в экономике появляются черты рабовладения и крепостничества.

В связи с этим все большее и большее внимание начинают привлекать к себе механизация сельскохозяйственного производства и проблема использования в деревне коллективного труда. Различные его формы были известны в России давно. Достаточно вспомнить толоку, помочи, супругу, общественные запашки, военные поселения. Еще до отмены крепостного права появились первые земледельческие артели. Отдельные опыты их создания предпринимались и в пореформенный период. Особую известность в этом отношении получили две попытки проведения своеобразной массовой коллективизации, предпринятые в 90-е гг. XIX в. в Пермской и Херсонской губерниях. Вопрос об артелях был вынесен на обсуждение Вольного экономического общества, а несколько позднее данная проблема стала предметом рассмотрения в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902—1904 гг.). Тогда же Министерством финансов, которое возглавлял С. Ю. Витте, было издано «Положение о трудовых артелях», которое придало артельным экспериментам юридическую основу. А в 1904 г. министр внутренних дел В. К. Плеве рекомендовал губернаторам содействовать созданию артелей. В следующем году Министерством финансов было учреждено Общество содействия артельному делу. Можно было бы ожидать, что все это поведет к расширению сферы применения коллективного труда в экономике России вообще и сельском хозяйстве в частности. Однако начавшаяся в 1906 г. столыпинская аграрная реформа на некоторое время отодвинула артельные начинания в сторону.⁴⁷ Правда, очень скоро обнаружилось, что ставка на фермера не может дать в ближайшем обозримом будущем желаемых результатов, и уже в 1913 г. на Первом всероссийском сельскохозяйственном съезде, на котором собрались местные агрономы и землемеры, т. е. те, кто принимал самое непосредственное участие в осуществлении столыпинской фермеризации, было принято симптоматичное решение: не отказываясь от продолжения этой реформы там, где можно было ожидать заметных результатов, съезд постановил обратить особое внимание на использование в деревне различных форм коллективного труда.⁴⁸

В 1914 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли приступил к разработке программы экономического развития страны. Весной 1915 г. она была представлена очередному съезду представителей промышленности и торговли под названием «О мерах по развитию промышленных сил России». В этой программе подчеркивалось, что если в ближайшие десять лет Россия не удвоит-утроит свой промышленный потенциал, она рискует перейти в разряд второстепенных держав. Считая, что промышленный рывок возможно осуществить, только опираясь на сельское хозяйство, а «русское сельское хозяйство может подняться только на плечах кооперации», авторы программы считали необходимым обратить особое внимание на развитие в деревне различных кооперативных объединений, в том числе и в сфере производства.⁴⁹

15—18 октября 1915 г. Московское общество сельского хозяйства провело Всероссийское совещание по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами. На нем по докладу А. И. Бадьина «К вопросу об использовании населением сельскохозяйственных машин и орудия» было принято следующее постановление: «В целях планомерного использования машин и орудий представляется необходимым, чтобы земские и общественные прокатные пункты возможно широко и льготно предоставляли населению, лишенному работников, потребные для него машины и орудия, чтобы сеть таких пунктов получила планомерное развитие, чтобы среди населения получила осуществление идея покупки и аренды машин целым обществом или группой хозяйств, объединенных в целях совместного пользования машинами в специальные кооперативы, чтобы общественная машиноторговля прежде всего (удовлетворяла) спрос на машины, покупаемые в целях коллективного пользования».⁵⁰

1 мая 1916 г. состоялось III областное совещание по вопросу сельскохозяйственного машиностроения и общественного машинопользования, которое также признало необходимым содействовать созданию машинных артелей.⁵¹

Это стимулировалось появлением тракторов, которые, во-первых, отличались дороговизной, а, во-вторых, имели более высокую производительность и могли использоваться с максимальной полнотой только в крупных хозяйствах. Одним из пропагандистов тракторизации российской деревни был Н. Крыштофович, который начал пропагандировать эту идею еще в 1907—1908 гг. Не без его участия, «предвидя в дальнейшем огромную потребность в тракторах и орудиях мотокультуры», Министерство земледелия к весне 1916 г. решило употребить «все усилия для водворения производства тракторов и орудия мотокультуры внутри страны».⁵²

В этом отношении оно получило поддержку со стороны Военного министерства, и 29 марта 1916 г. Н. Крыштофовичем была подготовлена «Справка о механизации подготовки посевной площади в частновладельческих хозяйствах России», в которой размер посева определялся в 14,4 млн. дес., производительность трактора в 600 дес., а потребность в тракторах в 24000 штук, по цене 10000 руб. за трактор, это требовало 240 млн. руб.⁵³

Военное ведомство, преследуя свои собственные цели, решило приступить к строительству 6 автозаводов с открытием при 2—3 из них первых тракторных отделений. Согласие строить трактора дали 7 частных заводов. Однако рассчитывать на скорое осуществление этой программы не приходилось. Поэтому было решено к середине 1917 г. закупить за границей 300 первых тракторов.⁵⁴

1 сентября 1916 г. под председательством тайного советника В. В. Прилежаева открылось Межведомственное совещание, посвященное вопросу организации в деревне трудовых артелей. Констатируя факт существования 500 таких артелей, в том числе и непосредственно в сельском хозяйстве, и считая их количество явно недостаточным, Совещание признало необходимым способствовать увеличению их численности и с этой целью внести в существующее законодательство необходимые изменения.⁵⁵

В полном соответствии с этим находился циркуляр № 31, разосланный 17 октября 1916 г. за подписью заведующего Переселенческим управлением МВД, в котором местной администрации предлагалось обратить особое внимание на объединение переселенцев в товарищества, которые могли бы не только сообща приобретать выделяемые им земельные участки, но и сообща обрабатывать их. Данный циркуляр представляет собою особый интерес, так как переселенческая политика П. А. Столыпина была направлена на создание фермерского хозяйства в Сибири. Если учесть, что здесь переселенцы не были связаны общиной и имели возможность создания хуторского хозяйства, то появление названного циркуляра можно рассматривать как отказ Министерства внутренних дел от главной цели столыпинской аграрной политики.⁵⁶

18 октября при Всероссийской сельскохозяйственной палате было создано Совещание по вопросу о создании отечественного тракторостроения. Одобрив идею организации производства тракторов в России и обратив внимание на трудности, связанные с использованием тракторов в русском сельском хозяйстве, совещание постановило «приступить к разработке вопроса об артельном использовании земли при посредстве тракторов».⁵⁷

22—24 ноября в Москве Экономическим отделом Главного комитета Земского союза, во главе которого стоял будущий премьер-министр Временного правительства князь Г. Е. Львов, было проведено совещание, посвященное вопросу организации посевной компании в 1917 г. Этим совещанием по докладу А. С. Львова «Коллективное пользование сельскохозяйственными машинами в 1915—1916 гг.» было принято следующее постановление: «3. Наиболее распространенная форма общественного машинопользования — прокатные пункты — для настоящих условий является недостаточной. 4. Из всех видов организации машинопользования наиболее предпочтительным является машинная артель, соединяющая коллективное владение машинами с коллективным ведением хозяйства, затем машинные товарищества по договорам и уставам».⁵⁸

28 ноября — 1 декабря 1916 г. в Петрограде проходило Чрезвычайное общее собрание Всероссийской сельскохозяйственной палаты (ВСП), которая объединяла представителей 34 губернских и около 200 уездных земских собраний, а также 72 сельскохозяйственных обществ. Одним из самых влиятельных было Московское общество сельского хозяйства, возглавляемое князем Н. Б. Щербатовым. Именно он и председательствовал на собрании, его помощниками были брат последнего премьера князь А. Д. Голицын, князь А. А. Кропоткин и В. Д. Батюшков, секретарские обязанности исполняли князь А. М. Орбелиани, А. О. Фабрикант и управляющий делами ВСП А. А. Чучулин. На собрании присутствовал министр земледелия А. А. Риттих, его предшественник на этом посту граф А. А. Бобринский, товарищи министра земледелия Н. В. Грудистов и А. Н. Неверов и государственный контролер Н. Н. Покровский. Среди присутст-

вовавших можно также назвать вице-президента Московского общества сельского хозяйства А. Е. Березовского.⁵⁹

На собрании ВСП был заслушан доклад В. Д. Батюшкова «О мотокультуре» и принято постановление, в котором говорилось: «12. Приступить к разработке вопроса об артельной обработке земли при посредстве тракторов». А по докладу А. А. Чучулина «К вопросу об отсрочках к призыву в войска и об отпуске из армии лиц, необходимых для сельского хозяйства» было решено: «2. Сельскому хозяйству необходимо поэтому на первый план поставить достижение более целесообразного и наиболее производительного использования оставленной в нем рабочей силы при помощи, между прочим, лучшей организации всякого рода общественных ячеек и путем применения, где это возможно, общей обработки полей».⁶⁰

Эти идеи получили поддержку со стороны Московского общества сельского хозяйства и Союза кооператоров. В начале 1917 г. ими был подготовлен совместный доклад «Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.». От Земского союза он был подписан Г. Алексеевым, от Союза кооператоров В. Хижняковым и от Московского общества сельского хозяйства А. Березовским и А. Стебутом.

В объяснительной записке к этому докладу говорилось: «...Перед нами стоит задача: продолжать ли старую политику хозяйственной индивидуализации, ведущую к распылению труда и малопродуктивным его затратам или сделать все возможные в данный момент шаги в сторону групповой организации сельскохозяйственных работ?» Считая необходимым радикально изменить всю аграрную политику и приводя в обоснование этого развернутую аргументацию, авторы доклада писали: «Перечисленные условия, перечень которых можно продолжать, неуклонно толкают Европу и Россию на путь национализации и кооператизации сельскохозяйственного производства. Таковая, вероятно, осуществится в ближайшем будущем».⁶¹

По мере того как, с одной стороны, расширялись государственные закупки хлеба, а с другой стороны, сокращались их перевозки, и в результате этого возрастала роль государства на хлебном рынке, становилось очевидным, что дело само собой, т. е. совершенно стихийно идет к складыванию монополии государства на хлебном рынке. Осознавая это, некоторые экономисты уже в 1915—1916 гг. вынесли на страницы печати вопрос о введении хлебной монополии. Одним из первых данный вопрос поднял депутат IV Государственной думы Чельшев.⁶² Осенью 1915 г. с ее обоснованием выступил член ЦК партии кадетов, один из руководителей Союза кооператоров князь Д. И. Шаховской.⁶³ В начале 1916 г. на страницах кадетской «Речи» была опубликована статья М. И. Туган-Барановского, которая так и называлась «Твердые цены и хлебная монополия».⁶⁴ Летом 1916 г. с аргументами в пользу данной идеи в статье «О том, что будет» на страницах «Русских записок» выступил известный народник С. Я. Елпатьевский.⁶⁵ А осенью этого года обсуждение вопроса хлебной монополии было вынесено на страницы правительственной «Торгово-промышленной газеты». Речь идет о проекте инженера С. Ф. Дунина-Марцинкевича.

Считая необходимым сконцентрировать в руках правительства все продовольственное дело, он предлагал ввести своеобразную продовольственную диктатуру, при которой никто не имел бы права «заниматься скупкой продовольст-

венных продуктов помимо правительства», и декларировать, что «все продукты продовольствия, кто бы их ни производил, являются собственностью государства», а «все население обоего пола, занимающееся производством продуктов продовольствия, мобилизуется для образования продовольственной армии». Причем С. Ф. Дунин-Марцинкевич считал необходимым, чтобы в круг этих лиц были включены не только крестьяне, но и «рабочие и служащие заводов, фабрик, земств, городского самоуправления, тех торговых предприятий, которые будут мобилизованы». ⁶⁶ По сути дела речь шла о введении почти поголовной трудовой повинности. Причем для осуществления этого плана С. Ф. Дунин-Марцинкевич предлагал произвести своеобразное огосударствление различных товариществ и органов самоуправления: «Городское общее управление, земства, биржи, сельскохозяйственные общества и другие организации также включаются в общую обязательную мобилизацию и являются вспомогательными органами правительства, выполняющими функции по особым распоряжениям правительства на местах». ⁶⁷

Проект С. Ф. Дунина-Марцинкевича, может быть, и не заслуживал бы особого внимания, если бы не два обстоятельства. Во-первых, его автор являлся не простым инженером, а был членом Особого совещания по продовольствию. По этой причине его проект можно рассматривать как отражение тех настроений, которые существовали в стенах этого учреждения. А во-вторых, весьма примечательно, что этот проект, правда, без комментариев, был опубликован на страницах правительственной «Торгово-промышленной газеты», что означало вынесение самого проекта на всеобщее обсуждение.

В этих условиях была неизбежна переоценка роли государства в экономической и политической жизни общества. Важной вехой в данном случае стала статья Н. Бердяева «Государство и собственность во время войны», опубликованная 15 октября 1916 г. на страницах утреннего выпуска «Биржевых ведомостей». Подчеркивая, что до самого последнего времени и западники («государственники») и славянофилы («националисты») сходились в признании святости и неприкосновенности частной собственности, Н. Бердяев писал: «Инстинкты собственности столкнулись в сегодняшний день с инстинктами патриотизма. Опыт войны очень многое заставил переоценить, слишком много неожиданного, непредвиденного никакими теориями и доктринами принесла она с собой. Приходится переоценивать и ту истину, что непосредственные интересы собственников являются самой государственной и национальной опорой. В минуту опасности для государства, когда требуются героические настроения и героические меры, интересы собственности оказались ненадежными носителями этих интересов, способными на жертвы». ⁶⁸

Отсюда делалось следующее заключение: «Война во многих отношениях социализирует хозяйство, вносит в хозяйственную жизнь начало коллективности и ограничивает индивидуалистический произвол. Частные интересы аграриев, промышленников, торговцев во время войны сталкиваются уже не [только. — А. О.] с интересами крестьян и рабочих, а с интересами государства, с интересами национальной обороны и безопасности. Оборона государства в мировой борьбе народов, необходимость прокормления народов в совершенно исключительных условиях требуют ограничения частных интересов собственников. Объективная государственная необходимость требует ряда мер, направленных в направлении частичной социализации хозяйства». ⁶⁹ Называя эту политику полити-

кой государственного социализма, Н. Бердяев констатировал: или государственный социализм или хаос, который сметет существующую власть. Под хаосом автор несомненно имел в виду социальный взрыв.

Расширение государственного вмешательства в экономику вело к внедрению элементов централизации и планирования, в результате чего уже на рубеже 1915—1916 гг. печать начинает обсуждать вопрос о планировании. Именно в это время о необходимости разработки «финансового и экономического плана» заявил в финансовой комиссии Государственного совета министр финансов Л. П. Барк.⁷⁰ 13 января 1916 г. на страницах печатного органа этого министерства была опубликована статья видного экономиста, одного из руководителей Сибирского торгового банка М. И. Боголепова «О путях будущего». В ней специально обосновывалась мысль о необходимости перехода к экономическому планированию.⁷¹ Через некоторое время статья М. И. Боголепова была издана специальной брошюрой с подзаголовком «Об экономическом плане».⁷²

Имеются сведения, что во второй половине января 1916 г. данный вопрос был подвергнут в Государственном совете специальному рассмотрению. Было решено созвать Совещание для разработки торгового и экономического плана. 5 февраля «Торгово-промышленная газета» опубликовала статью Л. Яснопольского «Экономическая платформа», в которой уже рассматривались конкретные вопросы будущего экономического плана страны.⁷³ 31 марта обсуждение этого вопроса было продолжено в статье А. Л. Рафаловича «Выработка экономической программы».⁷⁴ Имеются сведения о том, что конкретная работа в данном направлении была поручена Комиссии под председательством государственного контролера Н. Н. Покровского.⁷⁵

К осени 1916 г. Комиссией Н. Н. Покровского была составлена «экономическая программа»,⁷⁶ содержание которой пока неизвестно, но известно, что она вызвала неоднозначную реакцию. В частности, ее не поддержал Совет съездов представителей промышленности и торговли. Однако для нас важно другое: уже в 1916 г. идея перехода к планированию экономики начинает приобретать практическое значение. И показательно, что именно в 1916 г. в печати впервые появляется понятие «пятилетний план», которое со временем получит практическое осуществление.⁷⁷

Рассмотренный материал свидетельствует, что Первая мировая война не только поставила Россию на грань финансового банкротства, не только дезорганизовала рынок, но и, сделав невозможным продолжение прежней экономической политики, потребовала как расширения государственного вмешательства в экономику, так и внесения определенных изменений в организацию сельскохозяйственного производства. Однако на пути тех мер, которые намечались правительством и выдвигались органами самоуправления и общественными организациями, стояли интересы частной собственности. Поэтому возникала дилемма: или правительство само пойдет если не на устранение, то на ограничение частной собственности или же оно будет свергнуто силой, готовой и способной на это. В противном случае стране угрожала анархия и развал. Пришедшее к власти Временное правительство сделало несомненный шаг на пути ограничения интересов частной собственности, но к этому времени предпринятых мер уже было недостаточно. Требовалось еще более радикальное продвижение по пути государст-

венно-феодално-капиталистического регулирования разваливающейся экономикой. Той силой, которая оказалась способна осуществить эту политику, стала партия большевиков. Практически большевики лишь последовательно осуществили то, что уже намечалось или вызревало еще до 1917 г. и о чем уже довольно открыто писали и говорили в 1917 г. Идя к власти, большевики думали о возможности социалистического переустройства общества, на деле же они так и не пошли дальше государственного капитализма в городе и государственного феодализма в деревне. Причем, на этом пути они получили поддержку со стороны рождающегося национал-большевизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ясный Н. Опыт регулирования снабжения хлебом. Пг., 1917; Орлов Н. А. Продовольственное дело в России во время войны и революции. М., 1919; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. 1 изд. М., 1922; Добротвор Н. М. Продовольственная политика самодержавия и Временного правительства // Труды Горьковского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Т. 3. Исторический сборник. Горький, 1939; Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. М., 1950. Т. 31. С. 37—60; Лаврычев В. Я. Продовольственная политика царизма и буржуазии в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. // Вестник МГУ. 1956. № 1. С. 141—180; Он же. Государственно-монополистические тенденции при организации продовольственного дела в России. 1914-февраль 1917 г. // Исторические записки. М., 1978. Т. 101. С. 100—159; Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962; Он же. Зерновое хозяйство России в годы Первой мировой войны // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959. С. 446—494; Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. Продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917 г. Л., 1985.
- ² Там же. С. 26.
- ³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. 2 изд. С. 126.
- ⁴ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 81.
- ⁵ Марес Л.: Пища народных масс России // Русская мысль. 1893. № 10. Отд. 2. С. 58; Он же. Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве // Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 1. СПб., 1897. С. 14.
- ⁶ Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? или же закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 143.
- ⁷ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С. 126.
- ⁸ Подсчеты сделаны мною на основании ежегодной статистики урожаев.
- ⁹ Подсчеты сделаны мною на основании ежегодной статистики урожаев.
- ¹⁰ Сидоров А. И. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С. 49—50.
- ¹¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917; Шебалдин Ю. Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.
- ¹² РГИА, ф. 157 Особое совещание по продовольствию (далее — ОСП), оп. 1, д. 12, с. 15.
- ¹³ Там же, л. 150б.
- ¹⁴ Там же, л. 150б.—16.
- ¹⁵ Там же. Еще ранее, 29 августа 1914 г., такое право было предоставлено командующим армиями в прифронтовой полосе: Китанина Т. М. Указ. соч. С. 62).
- ¹⁶ Там же. С. 75.
- ¹⁷ Там же. С. 130.
- ¹⁸ РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 12, л. 150б.
- ¹⁹ Там же, л. 20—27.
- ²⁰ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 74.
- ²¹ РГИА, ф. 457, оп. 1, д. 12, л. 33.
- ²² Сведения о положении продовольственного дела в Петрограде, Москве и других местностях империи на 1 января 1916 г., а также в иностранных государствах (Далее — Известия ОСП). 1916. № 14. С. 52—60; № 16. С. 34—36.
- ²³ Там же. № 19. С. 5—7; ТПГ. 1916. 27 августа.
- ²⁴ Известия ОСП. № 20. С. 17—20.
- ²⁵ Китанина Т. М. Указ. соч. С. 218.
- ²⁶ Там же. С. 175.
- ²⁷ ТПГ. 1916. 9 октября.
- ²⁸ Там же. 12 октября.
- ²⁹ Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России в период Первой мировой войны. Хроника событий // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994.
- ³⁰ ТПГ. 1916. С. 55. 29 ноября.
- ³¹ Земледельческая газета. 1916. № 51. С. 1306.
- ³² Известия ОСП. 1917. № 1(30). С. 44.
- ³³ Земледельческая газета. 1917. № 3. С. 74.

- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Известия ОСП. 1916. № 20. С. 1—6.
- ³⁶ Земледельческая газета. 1916. 6 августа. С. 896.
- ³⁷ Там же. № 29. С. 811—812.
- ³⁸ Там же. 1917. № 4. С. 103.
- ³⁹ Там же. № 5. С. 126—127.
- ⁴⁰ Б[укипан] Я. Карточная система // ТПГ. 1916. 25 сентября.
- ⁴¹ Караулов М. А. Карточная система // БВ. 1916. 15 октября. Утр. вып.
- ⁴² Земледельческая газета. 1916. № 36. С. 969; В особом совещании по продовольственному делу // ТПГ. 1916. 12 октября.
- ⁴³ Орлов В. Принудительные гужевые перевозки // ТПГ. 1916. 7 сентября.
- ⁴⁴ Островский А. В. О региональных особенностях аграрного перенаселения в России конца XIX—начала XX в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 2. М., 1982. С. 181.
- ⁴⁵ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 56—83.
- ⁴⁶ Министерство земледелия о принудительном труде // Финансовая газета. 1916. 16 августа; Ч-ин. Трудовые дружины учащихся // Земледельческая газета. 1916. № 29. С. 801—802; Сп-ч. Что сделано для обеспечения сельского хозяйства рабочими руками // Там же. № 52. С. 1329—1331.
- ⁴⁷ Островский А. В. Царизм и проблема земледельческих артелей в конце XIX—начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1987. С. 78.
- ⁴⁸ Островский А. В. Октябрьская революция... С. 149.
- ⁴⁹ Там же. С. 151—152.
- ⁵⁰ Труды Совещания 15—18 октября 1915 г. по вопросам обеспечения населения сельскохозяйственными машинами. М., 1916.
- ⁵¹ Труды Совещания по вопросам общественной машиноторговли и сельскохозяйственного машиностроения. Киев, 1915.
- ⁵² РГИА, ф. 382, оп. 8, д. 262, л. 19—20.
- ⁵³ Там же, д. 270, л. 9—11.
- ⁵⁴ Там же, л. 1—8; д. 262, л. 19.
- ⁵⁵ ТПГ. 1916. 2 сентября.
- ⁵⁶ Земледельческая газета. 1916. № 47. С. 1221.
- ⁵⁷ Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1916. № 10—11. С. 12—16.
- ⁵⁸ Труды Совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22—24 ноября 1916 г. Доклады и постановления. М., 1917. С. 173—178.
- ⁵⁹ Постановления Чрезвычайного общего собрания Всероссийской сельскохозяйственной палаты 28 ноября—1 декабря 1916 г. // Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты. 1916. № 12. С. 3.
- ⁶⁰ Там же. С. 11—14.
- ⁶¹ Островский А. В. Октябрьская революция... С. 150.
- ⁶² Земледельческая газета. 1916. № 39. С. 1038.
- ⁶³ Там же. С. 1036.
- ⁶⁴ Туган-Барановский М. И. Твердые цены и хлебная монополия // Речь. 1916. № 26.
- ⁶⁵ Елпатьевский С. Я. О том, что будет // Русские записки. 1916. Июнь.
- ⁶⁶ Проект мобилизации торговли и промышленности // ТПГ. 1916. 14 августа.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Бердяев Н. Государство и собственность во время войны // БВ. 1916. 15 октября. Утр. вып. Одним из первых на эту статью обратил внимание В. С. Дякин (Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Л., 1967. С. 37).
- ⁶⁹ Бердяев Н. Указ. соч.
- ⁷⁰ Финансовый и экономический план // Финансовая газета. 1916. 8 января.
- ⁷¹ Боголепов М. И. О путях будущего // ТПГ. 1916. 13 января.
- ⁷² Боголепов М. И. О путях будущего: Об экономическом плане. Пг., 1916.
- ⁷³ Яснопольский Л. Экономическая платформа // Финансовая газета. 1916. 5 февраля.
- ⁷⁴ Рафалович А. Л. Выработка экономического плана // Там же. 31 марта.
- ⁷⁵ Сиринов М.: Пути грядущего // БВ. Утр. вып. 1916. 30 октября; Он же. К вопросу плана экономической политики // ТПГ. 1916. 26 октября.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Записка Императорского технического общества И. Н. Борисову // Там же. 29 октября. В печати сообщалось, что товарищ министра путей сообщения И. Н. Борисов в 1916 г. разработал план железнодорожного строительства, по которому в течение 20 лет предполагалось построить около 100 новых железных дорог общей протяженностью в 60 000 верст (Сиринов М. Новый план железнодорожного строительства // Там же. 21 октября).